

Сергей Бойко
МОЙ ВГИК. ОТЧЁТЫ

Книга 2

**НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ...,
ИЛИ ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ ПРО
КОНЕЦ СВЕТА**

Отчет о южном походе

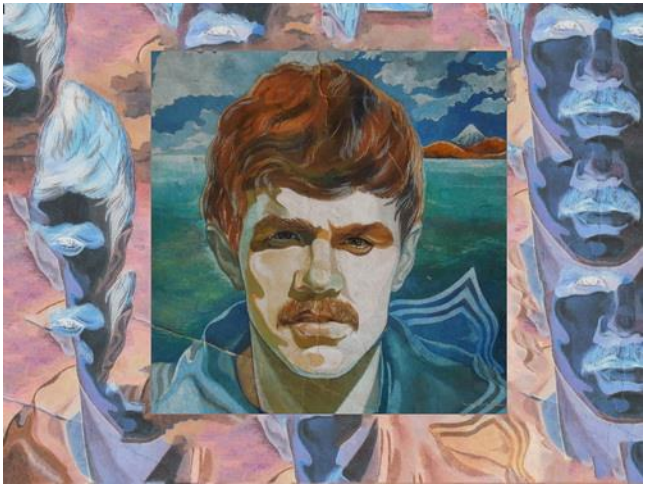
*Памяти
Александра Нехорошева*

*Матросские байки
из цикла «Суши
заказывали? Вот вам!»,
написанные уже после
конца света, — с
элементами
ненормативной
лексики в речах
некоторых
несдержанных
персонажей; автор,
конечно, приносит свои
извинения читателю,
но, как говорится, из
песни слова не
выкинешь.*

*Просьба не искать
сравнений с реальными
событиями и людьми,
потому что всё здесь —
от начала до конца! —
выдумка, обман и
сочинительство. Но...
как говорил
бессмертный
Порфирий Лавров
Неунывающий, «когда я
заявляю, что
обманываю вас, я вас
обманываю!»
Итак, вперед,
читатель!*

*«Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!»*

*(А. С. Пушкин,
«Признание»)*

11 мая 2012 г., пятница

07:02 Сегодня в новостях

Москва

Представитель МАК вылетел к месту крушения «Суперджета»

Бута отправят отбывать наказание в тюрьму строгого режима в Колорадо

Найден новый календарь Майя без упоминаний о конце света

Тысячи сторонников Каддафи подвергаются пыткам в тюрьмах

Обама очень надеялся на

*встречу с Путиным на саммите G8 в
Кэмп-Дэвиде*

(ЯНДЕКС)

**Я бросил писать морские
рассказы под названием «Суши
заказывали?» Нету сил
преодолевать сопротивление
материала и людей...**

1. НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ...

Зимний вечер, режет снег, сопки и дома видны едва, а на корабле мелькают лопата и человек, — военно-морская база, Камчатка, Авачинская губа...

В этот день в клубе части давали фильм «Романс о влюбленных». К концу сеанса старослужащий матрос, кок по фамилии Караваяев проплакал радисту, старшине первой статьи Нехорошеву весь погон и бушлат — насквозь, вплоть до самого исподнего. Володя Караваяев рыдал на плече Саши Нехорошева так, как рыдал бы носорог на плече обезьянки, — бедный радист под железобетонной массой кока, чтобы не свалиться с кресла, упирался изо всех сил. Караваяев

всхлипывал, пускал пузыри и громко сморкался в зажатый в кулаке гюйс. Когда зажегся свет, и раздалась команда на выход, матрос не смог самостоятельно встать на ноги, — так его разобрало.

— Волшебная сила искусства! — сказал какой-то умник с другого корабля.

— Над вымыслом слезами обольюсь! — подхватил его товарищ.

Им обоим здорово повезло, потому что кок не расслышал этих их насмешек, — в голове у него все еще стоял шум от пережитого...

А начиналось все примерно так:

Мать Караваяева упрашивала военкома:

— Сыночек, голубчик, отправь ты его так далеко, чтобы он сбежать не смог, и надолго. Где теперь самая долгая служба? Чтобы тяжелая и строгая была! Вот туда и отправь!

— В морчасти его отправлю. К пограницам. На Камчатку. Разрядка пришла. Оттуда, небось, не сбежит. А чего это вы его так, мамаша, невзлюбили?

— Что ты, милый? Господь с тобой! Самый любезный сердцу, кровиночка. Только неслух, каких свет не видывал. Уж на что братья его старшие были озорники, а этот всех обошел. Силушкой Господь наградил, а ума не дал. Вот он и

обижает людей. Одну меня жалеет. Отца родного в пятнадцать лет уже волтузил. А урезонить некому: старшие-то всё по тюрьмам да лагерям. Мне одной не совладать. Спаси кровиночку, Христа ради! Пусть его там специальности какой обучат, чтобы при деле стал после службы-то.

Христа ради попал Караваев, как и обещал военком, к нам, на Камчатку, на три года. В «учебке» выучился на кока, то есть на повара, и, в конце концов, очутился на транспортном корабле под началом капитана второго ранга Вениамина Баркова.

2. ПЕРВАЯ КУПЕЛЬ

Бригада морчастей Погранвойск, куда попал Караваев, стояла в Петропавловске-Камчатском. Еще были бригады на Сахалине и в Находке. Но эти были — сплошь боевые корабли. И только наша, в Авачинской губе, обладала парком из трех разбитых шхун 1952-го года постройки, грузовых, крашенных и перекрашенных в этот, без эпитетов, серый цвет, с номерами на борту и пулеметом впереди. Таких кораблей было всего три штуки на весь Дальний Восток, от Чукотки до Находки. И эти три шхуны осуществляли все грузоперевозки по всем заставам, честь им и хвала!

Караваев служил на «единичке» — 541-й

бортовой номер. Были еще 542-й и 543-й — «двойка» и «тройка». Когда одна шхуна отправлялась на Север, две другие, страхуя друг друга, шли на Юг, потому что на Юг ходить было гораздо труднее и опаснее, чем на Север. На Севере, в Анадыре и других населенных пунктах, были пирсы, можно было подойти и хоть как-то подоткнуться к берегу. Какие ни какие — а порты там были. А на Юг — это сплошные Курилы, никаких пристаней и никакой возможности подойти на корабле к берегу. А подходить надо: люди груз ждут, им еще зиму зимовать. А корабль близко подойти не может — мелко. Спускают на воду понтоны и грузят, а полоса прибоя уже ждет и в любую погоду готова их перевернуть. Короче, разгрузка на Курилах — это вам не чай с кофе разгружать в Одесском торговом порту!

Первый раз я оказался на разгрузке в самом начале службы. Волнение на море было не то, чтобы очень, но мне по неопытности показалось, что это настоящий шторм. Натянув поверх бушлата новенький спасательный жилет, я сразу понял, что никогда он меня не спасет, потому что старослужащий «морской волк» выдернул из него все пробки и заставил «испустить дух». Жилет повис как тряпочка железнодорожника. «Морской волчара» усмехнулся на растерявшегося от неожиданности салагу, поправил на мне эту

тряпочку и толкнул на понтон.

Я стоял на понтоне и принимал груз. Понтон бился о борт корабля, лебедка с грузом раскачивалась. Я тянулся ее поймать. Неловко изловчился — и бултыхнулся в ледяную воду между понтоном и кораблем. Я тут же погрузился метра на три, потому что бесполезный спасательный жилет не удержал меня на плаву, а вся остальная одежда, включая ботинки, потащила меня к рыбам. Понтон с глухим звуком ткнулся в борт над моей головой. Так меня спас бесполезный спасательный жилет, — если бы он был надут, многотонный понтон обязательно раздавил бы меня о борт корабля как ненужную глупую скорлупку. Меня подняли на борт и отправили в кубрик — сушиться. Я переоделся в сухое и улегся спать, гордый своим подвигом. Но уснуть я не успел, — уже через десять минут меня лупили по бокам:

— Ты чего разлегся? Кто за тебя грузить будет? Марш на понтон!

3. ЗАХВАТ «ЯПОНЦА»

Матросу Караваяеву все время срочной службы хотелось душить руками американцев и японцев, из-за которых он оказался так далеко от дома, а не мять руками тесто для пельменей, о чем он неоднократно нам заявлял. И мы верили: при

случае так и будет.

— А кто на кого бомбу сбросил, знаешь? — спрашивали его, намекая на Хиросиму.

Караваев категорическим матом отвечал, что ему все равно.

Наверное, он хотел бы душить всех, но всех не позволял корабельный устав. А вот про американцев и японцев в уставе ничего сказано не было. Поэтому, когда командир корабля, на котором матрос Караваев служил коком, капитан второго ранга Веня Барков хитроумным маневром и смекалкой сумел захватить в наших территориальных водах быстроходную японскую шхуну, полную браконьерского краба, Караваев первым вызвался в осмотровую группу, так называемую «абордажную команду»:

— Пойдем японцев душить!

Но Веня Барков строго настрого запретил старпому, командиру «абордажной команды», брать Караваева с собой, — кок представлял реальную угрозу миру и мог втянуть Советский Союз в локальный международный конфликт. Да и оружие, которое полагалось по уставу иметь при себе осмотровой группе, матросу Караваеву никто бы выдать не смог: за коком не числился ни пистолет, ни автомат, как за другими военнослужащими. Не было у Володи Караваева никакого оружия. Да оно ему и не требовалось, — у него были руки.

Дело было так...

Мы шли домой из Владика, жемчужины Дальнего востока. Погоды на морях стояли тишайшие. Настроение команды было великолепное. Владивосток занимал все наши чувства. Остров Шикотан, если и вспоминался, то исключительно как курьез — да и то со знаком «плюс». Лекция о семье и браке уже обросла такими невероятными подробностями, что превратилась в легенду, еще не став историей. На взгляд команды, наш боевой командир, капитан второго ранга Веня Барков, все свои обещания выполнил сполна. (Как мало в сущности надо матросу для счастья!) Мы даже не догадывались, до какой степени он их в ближайшем будущем выполнит еще, — наша посудина только подходила к проливу Екатерины, не ведая, что главный приз уже на всех парах мчится ей навстречу. Возле пролива Екатерины произойдет то, что за всю историю существования наших трех тихоходных транспортных шхун — «единички», «двойки» и «тройки» — в бригаде могучих боевых пограничных кораблей не происходило никогда.

Мы считались боевой единицей весьма условно, выполняя каботажные перевозки вдоль побережья и на острова. Спаренный 14-миллиметровый пулемет на баке, торчащий как

гарпун китобоя, вечно зачехленный, да приставленный к нему комендор, матрос Чубуков — вот и вся наша боевая мощь. Не считая, конечно, личного стрелкового и холодного оружия да могучих лап матроса Караваева, нашего кока.

Надо сказать, японцы довольно лихие моряки. Их присутствие у наших берегов чувствовалось от Курил до Чукотки. Прогуливаясь по океанским пляжам в ожидании вельбота и отдыхая после разгрузки, мы постоянно натыкались на выброшенные прибоем дары моря. Это были разнокалиберные бутылки из-под японского виски «Сантори», бутылки из-под пива «Саппоро», оранжевые буйки от импортных краболовок размером с футбольный мяч и прочая мелочевка.

Иногда наши боевые корабли отличались — и арестовывали в родных территориальных водах быстроходные японские шхуны. Но это случалось крайне редко. Арестовать их — всегда большая проблема: мощные моторы «Хонда» позволяли заморским браконьерам спокойно уходить от наших «сторожевиков», даже не отцепляя краболовок и тралов с уловом. Мало того, что у этих японцев был великолепный ход, у них еще и локация была выше всех! У «японца» локатор «видел» на восемьдесят миль, у нас — на шестьдесят. Их шхуны в те времена уже были напичканы такой электроникой, какая нам и не

снилась, — а мы все еще работали на ламповой аппаратуре. Ходил в то время такой, как бы японский анекдот: «Мы думали, вы отстали от нас лет на пятьдесят, а оказалось, что вы отстали от нас навсегда!» Тем не менее, точка на японском локаторе еще не означала, что это советский «пограничник». Мало ли кто? Опознать корабль можно было лишь визуально.

Мы только-только проливом Екатерины прошли, — у нас Кунашир был самый ближний остров, потом — Шикотан, следующий — Итуруп. Шла обычная ночная вахта. Старшина первой статьи Александр Нехорошев, радист, как всегда слушал пиликанье кораблей нашей бригады, японское радио да рок-музыку писал на магнитофон (к нему у нас очередь за ней стояла), — одним словом, поддерживал связь команды с цивилизованным миром. Тем временем представители цивилизованного мира чистогана и золотого тельца бессовестно вылавливали нашего краба из наших морей, потому что своего они уже всего хищнически переловили, а у нас он еще оставался, защищенный советским законодательством. Вдруг дверь в радиорубку Саши Нехорошева с грохотом распахнулась, и туда ворвался взъерошенный командир корабля, капитан второго ранга Веня Барков, и сходу заорал:

— Нехорошев, блядь!

Все на корабле знали: если Веня говорил «блядь!», это означало, что всё очень серьезно.

— Нехорошев, блядь! Где твои пленки?

Саша растерялся: чего это командиру взбрело обыск проводить среди ночи? А Веня Барков — свое:

— Где твоя гребаная рок-музыка?

— Какая?

— Давай, что заводишь по кубрикам зимой! Заводи! Чтоб им слышно было!

— Кому, товарищ капитан второго ранга?

— Кому? Да на верхнюю палубу! По всей трансляции! По всем динамикам! На весь мир! На полную мощь! Что у тебя есть? Давай!

Радист обалдел:

— Кому слушать-то, товарищ капитан второго ранга? Ночью же идем!

— Выполнять!

У Сани Нехорошева стояла катушка из дома — самое хитовое в те годы: рок-опера «Jesus Christ superstar». Он и врубил по всем динамикам — прямо с середины, как стояла, — «на весь мир». И полетела над тихими морями ария Марии Магдалины:

«I don't know how to love him.

What to do, how to move him.

I've been changed, yes really changed.

In these past few days, when I've seen myself...»

А Веня Барков полетел по командам, рассыпая приказы:

— Открыть задрайки на всех иллюминаторах!

— Тихий ход!

— Убраться всем с палуб на хуй, кто высунется — убью!

В отличие от боевых кораблей, у нас были иллюминаторы, — гражданская же шхуна! Да и силуэт и мачты и прочее — все выглядело совсем не так, как у боевого корабля. А Веня — дальше:

— Дать всю иллюминацию на верхнюю палубу!

Ночь, луна, тепло, практически штиль; Мария Магдалина голосит, — и тут мы, как парадная люстра. Не корабль, а симфония в стиле Александра Грина!

Яркая иллюминация на верхней палубе не давала возможности разглядеть со стороны борт нашей посудыны, создавая световой занавес и скрывая от посторонних глаз то место, где был выведен рукой нашего художника, музыканта, поэта и радиста, старшины первой статьи Александра Нехорошева белоснежный номер нашей боевой единицы — 541.

Под лунным небом, на тихом ходе, с музыкой,

с сияющими огнями, в комфортной замечательной обстановке, мы практически вплотную подошли к японской браконьерской шхуне, — подошли так здорово, что она оказалась между нами и берегом. Борт в борт. Места и времени для маневра у них уже не оставалось.

К этому времени матрос Чубуков, наш комендор, расчехлил свой пулемет, способный разнести вдребезги японскую рубку и все, что внутри, и вставил ленту. В случае неповиновения он мог сделать предупредительный залп под корму и под нос. А если они попытаются скрыться, то Чубуков имел полное право, зафиксированное всякими международными конвенциями — теми же японцами в том числе, — полное право имел матрос Чубуков открыть огонь на поражение.

Японцы даже не предприняли попытки куда-нибудь смыться.

По нашему кораблю прошла команда тревоги, — и мы забились чуть ли не в оргазме!

*«На abordаж! На abordаж!
Как молния — топор!
Вцепились крючья в такелаж,
И рвет картечь в упор...»*

Осмотровая группа быстро оделась в парадку и кинулась получать оружие и спасательные